

Начавшийся в России в конце 2012 года кризис продлится несколько лет. Он будет медленным, печальным, но вряд ли приведёт к устранению внутренних дефектов системы, которые его и спровоцировали, полагает профессор географического факультета МГУ, директор региональной программы Независимого института социальной политики Наталья Зубаревич. Большинство жителей страны, по мнению эксперта, предпочтут затянуть пояса и будут терпеливо переносить трудности. Наиболее активная часть населения сконцентрирует свои ресурсы и компетенции на создании «запасного аэродрома».

? Наталья Васильевна, чем кризис, в который вступила Россия, отличается от тех, которые страна испытала раньше?

— Начну с того, что кризисы, которые пережила постсоветская Россия, можно определять по-разному. Я бы выделила трансформационный кризис 1992–1995 годов, когда страна переходила от плана к рынку. Это был очень тяжёлый и длительный спад, обрушивший промышленность и доходы населения более чем вдвое, при этом уровень безработицы был не очень высоким, потому что все тогда числились при заводах и фабриках, где не платили заработную плату.

Второй кризис — 1998–1999 годов, известный как азиатский, имел глобальный характер. Для России он выразился прежде всего в четырёх с половиной кратном дефолте рубля, не сильно повлиял на состояние промышленного производства (–5%) и длился менее года. Как только рухнул российский рубль, промышленность начала расти, потому что издержки производителей резко сократились и прошла мощная санация экономики. На четверть уменьшились доходы населения, безработица на пике достигала 13%. Однако программа по проведению общественных работ позволила удержать людей в более-менее терпимом балансе. Третий кризис, начавшийся в 2007 году в США, тоже был мировым, он дошёл до России осенью 2008-го.

У текущего, четвёртого по счёту кризиса другой генезис и другие тренды. Начавшись в декабре 2012 года, он выглядел как очень неприятная стагнация и был обусловлен нашими внутренними дефектами развития, пре-

жде всего институциональными. С лета 2014 года к внутренней стагнации добавились внешние шоки — санкции и последовавшие антисанкции, разогнавшие инфляцию. По оценкам известного российского макроэкономиста Евсея

ЭТОТ КРИЗИС ИНОЙ ПО ОСНОВНЫМ БОЛЕВЫМ ТОЧКАМ. САМЫЕ БОЛЬШИЕ ПРОБЛЕМЫ ИМЕЮТ ТРИ ЗОНЫ, И ВСЕ ОНИ СВЯЗАНЫ С ДЕНЬГАМИ

Гурвича, соотношение этих компонент составляет один к трём, то есть влияние падения цен на нефть втрое сильнее, чем собственно санкции. Падение нефтяной ренты ломает всю российскую систему, тогда как санкции прежде всего препятствуют заимствованиям.

Промышленность по итогам 2014 года продемонстрировала рост на уровне 0,7%, который, чтобы не было иллюзий, на 80% был обеспечен дополнительными вливаниями из бюджета в ВПК, ещё на 20% — некими возможностями импортозамещения в пищевой промышленности.

Этот кризис иной по основным болевым точкам. Самые большие проблемы имеют три зоны, и все они связаны с деньгами. Первая — это гигантский дефицит региональных бюджетов, который возник в результате возложения на них невыполнимых обязательств указами президента в части повышения зарплат бюджетникам. С федеральным

бюджетом ситуация вплоть до этого года была сбалансированной. Достигалось это за счёт игры на подвижных изменениях: когда цена за баррель нефти падает на \$1, федеральный бюджет теряет 90 млрд руб., при этом, когда падает рубль к доллару в паритете, федеральный бюджет получает 200 млрд руб. Но как только курс приходит в равновесие, начинают срабатывать все негативные факторы, и в 2015 году мы ощутим это в полной мере.

В том же 2013-м, когда случилась разбалансировка бюджетной системы, началось падение инвестиций, и оно тоже не было связано с внешнеполитической ситуацией. Бизнес перестал инвестировать, начал массово выводить деньги, потому что ему не нравятся условия, в которых работает система. Госкомпании продолжали инвестировать, но крайне неэффективно, создаваемый ими продукт не генерирует больших доходов.

Падение доходов началось позднее, нежели падение инвестиций, но тоже раньше всякого Крыма — в январе 2014 года. Санкции, антисанкции, падение цен на нефть просто ускорили этот процесс.

То есть в предыдущие кризисы мы наблюдали пике промышленности, рывки безработицы, а сейчас всё не так! В этом кризисе есть мощная мина, заложенная прежде всего в региональных бюджетах. И этот кризис, безусловно, более длительный. Это — ключевые слова! Длительность означает, что понадобится больше ресурсов на поддержку системы, будет труднее выходить из стагнации и спада, терпение людей будет сильнее испытываться.